«И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства»

И. Б. Абакумов, А. М. Никулин

Игорь Борисович Абакумов, кандидат экономических наук, директор медиагруппы «Крестьянские ведомости», 143430, Московская область, городской округ Красногорск, деревня Желябино, ул. Саввы Морозова, 1.
E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

EDN: USLHJB

Аннотация. Первая часть биографического интервью Игоря Борисовича Абакумова открывается его рассказом о корнях рода, о семье, детстве и юности. Далее описываются его выбор профессии журналиста и этапы журналистской карьеры сначала в газете «Ленинское знамя», затем в газете «Известия» со специализацией именно в сельской журналистике. Важное место в интервью занимают размышления об эволюции сельской России в период перестройки, связанные с политической и идеологической борьбой вокруг экономических реформ, возникновением и становлением Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). Особое внимание уделяется описанию уникального голландско-российского фермерского проекта, возникшего накануне распада СССР, и его последующей трудной истории. Другой замечательный проект, обсуждаемый в этом интервью, — создание ведущей постсоветской сельскохозяйственной газеты нашей страны «Крестьянские ведомости», основателем и главным редактором которой стал именно Игорь Абакумов. Данная часть этого интервью завершается размышлением о перипетиях постсоветской трансформации сельских массмедиа не только газетного, но и телевизионного и интернет-форматов в связи с судьбой известной с советских времен телепередачи «Сельский час». На протяжении всего интервью в его эпицентре находятся размышления о взаимоотношениях личности, общества и власти во взаимодействии со средствами массовой информации.

Ключевые слова: род, семья, сельская Россия, газета «Известия», перестройка, АККОР, фермерство, «Крестьянские ведомости», «Сельский час»

А. М. НИКУЛИН: Игорь Борисович, я очень рад, что Вы оказались у нас в редакции журнала «Крестьяноведение». По иронии судьбы, как правило, интервью у меня брали Вы, теперь мы поменялись ролями. Давайте начнем наш разговор с вопроса о Ваших корнях, Вашем детстве, о Вашей семье, а потом уже перейдем к профессиональной биографии.

И. Б. АБАКУМОВ: Рассказывать, где я родился, где учился, каковы мои корни, — очень увлекательно. Я свои корни начал «копать» только три года назад, прежде всего, для детей, которые начали задавать вопросы. Какие-то изустные упоминания иногда, вскользь, случались и оставались в моей детской памяти, но последующие расспросы натыкались либо на молчание, либо на то, что «я не помню», либо «документы потеряны», либо «документы закопали, и мы не могли их найти» — это касалось времени Революции 1917 года и Гражданской войны, рубеж веков, рубеж смен политических укладов в стране. Сейчас у меня уже два тома истории двух семейных родов. Первый — по женской линии моей бабушки, это самое близкое. И второй — дедушки, по папиной-дедовой-прадедовой линии я проследил семейную историю до 1750 года. Дальше меня историки остановили, сказали, что дальше уже у людей были клички, и восстановить достоверно что-то невозможно. Искал информацию по церковным книгам. Кстати, оказалось, что церковные архивы сохранились лучше, чем архивы НКВД и КГБ. К тому же документы там написаны прекрасными почерками, ясное изложение, без ошибок — орфографических, стилистических, синтаксических и т.д. Я получил ксерокопии документов, начиная с 1750 года. Там была информация еще более ранняя, но по ней возможно было уйти в боковые ветви по кличкам, не было фамилий.

Моя прародина по отцовской линии село Копосово Нижегородской губернии (в советское время оно вошло в состав Нижнего Новгорода). Изначально это были церковные земли и их населяли монастырские крестьяне Троице-Сергиевой лавры. При Екатерине началось «избавление» монастырей от земель, поскольку считалось, что у церкви слишком много власти и денег. Так из разряда монастырских крестьяне нашего села попали в разряд экономических. Они не стали крепостными, но работали на государство. Грубо говоря, попали в такой царский совхоз, как государственные крестьяне. Они занимались земледелием, животноводством, переработкой, в некоторой степени торговлей. Из нашей семьи выходили и матросы — ведь Волга была рядом. В 1917 году предки отправились работать на Сормовский завод через речку — «через дорогу» практически. Стали высококвалифицированными рабочими.

А. М. НИКУЛИН: В каком смысле «через речку»?

И. Б. АБАКУМОВ: Там очень много притоков, рукавов. Село Копосово — это сейчас Сормово, район Нижнего. Такова история, если вкратце. Мы пока издали два тома, и уже потом продолжим исследовать более глубоко и спокойно.

Несколько раз в семейных исторических хрониках встречается имя Аввакум, но не знаю пока, с чем это связано. Я был там на кладбище при храме Святой Живоначальной Троицы и Абакумовых на нем полно... Старинное кладбище, с XVI века. И храм был деревянный XVI века, но сгорел. В XVIII веке построили уже каменный, вот он сохранился, и именно оттуда и писцовая книга.

Есть торговая, боковая ветка рода, это уже речь об излете XVIII века. Торговля, судя по всему, пошла не шибко, поскольку знаменитых предков в купечестве не обнаружилось, но часть направилась вверх по Волге в сторону Твери. И потомок одного из них — Андрей Иванович Абакумов — выбился «в люди». У его отца не было денег на обучение, и он отдал сына писарем в гвардейский Преображенский полк. На строевую службу он не годился по зрению, но был грамотный, исполнительный, деятельный. Выслужился и через 20 лет возглавлял уже всю продовольственную службу армии Кутузова в 1812 году.

А. М. НИКУЛИН: Это генеральская должность.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, он был генерал-провиантмейстер. Служил под началом генерала Дибича.

А. М. НИКУЛИН: Героя Кавказа?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Сравнительно недавно, в начале 1990-х, когда начали восстанавливать храмы, нашли под развалинами церкви в городе Торопце склеп с табличкой «Андрей Иванович Абакумов». Мне дед рассказывал, я знал про это. Склеп вскрыли: ордена при нем. Потомков он не оставил, все имущество, по данным церковных книг, завещал единственному племяннику Раздеришину. Тот был подпоручиком, младшим офицером, ушел с армией Врангеля и следы его потерялись. Накануне смерти Андрей Иванович раздал всю землю крестьянам, каждому выдал денежное содержание, положил определенную сумму в церковь на содержание (в документах указано, какую). От Александра I Андрей Иванович получил в награду за войну золотую табакерку. Не знаю, где она, никто ее не видел, в склепе ее не нашли. Александр Иванович прошел и Берлин, и Париж. В принципе, если смотреть всю историю, то наша семья брала Берлин три раза: в 1750, 1814 и 1945-м.

А. М. НИКУЛИН: А при каких обстоятельствах вскрывали склеп?

И. Б. АБАКУМОВ: Его обнаружили при реставрации церкви, полезли под фундамент — там склеп. Захоронили его там по завещанию. Андрей Иванович Абакумов упоминается в Википедии, можно посмотреть.

А. М. НИКУЛИН: Впечатляет, какой предок у вас в роду был!

И. Б. АБАКУМОВ: Славных предков было много. И могу сказать, что ни одного беженца и эмигранта ни при каких обстоятельствах не было. Вторая часть семьи — это остзейские прибалтийские немцы — Гринберги. В основном из Эстонии. Эти обрусевшие немцы при Екатерине были переселены в Херсон и Одессу.

Остзейские немцы служили в армии, это была «военная косточка», все служили. Предки мои учились в Одесском пехотном училище, потом служили в 37-м Екатеринбургском пехотном полку, который был сформирован в Екатеринбурге, но квартировал в Одессе. Все прапрадеды и прадеды носили русские имена с немецкой фамилией. Писались они русскими.

А. М. НИКУЛИН: Как Андрей Штольц из «Обломова».

И. Б. АБАКУМОВ: Ну да. Когда полк перевели в Лодзь, в 25 км от Варшавы, прадед женился на дочери домовладельца. Хороший был брак, красивая пара, есть их фотографии. И потом их мотало по гарнизонам: сначала в Санкт-Петербурге, потом — в Нижнем. У прадеда были четыре дочери и сын. В отставку он вышел в Нижнем и затем служил обер-полицмейстером в полиции, охранял Нижегородскую ярмарку. В 1916 году сильно простудился, получил пневмонию, скончался в феврале 1917 года. Он был подполковником, а полковников по этой линии не было. Его предок, мой прапрапрадед, был городничим в Екатеринбурге. Власти городничего подчиняются полиция и военные. Грубо говоря, военком — военная власть. Я в Екатеринбурге зашел в краеведческий музей, спросил, мне ответили: «Да, вот его портрет!»

Итак, дальше. В 1914 году, когда началась война, предки поменяли фамилию на Гринёвы — из патриотических соображений, и чтобы не привязывались... Мы нашли эти прошения о перемене фамилии.

А. М. НИКУЛИН: Знаковая фамилия из знаменитого пушкинского произведения!

И. Б. АБАКУМОВ: Да, Гринёвы они с 1914 года. Брат деда, тоже подполковник, поскольку воспитывался и долгое время дружил с семьей Оболенских, просил дать ему их фамилию. Но геральдическая комиссия сказала, что доказательств, чтобы претендовать на столь древнюю фамилию, маловато. И тогда они все стали Гринёвы.

Что дало это исследование? Во-первых, я восстановил доброе имя прадеда. У нас была семейная легенда (распространялась в основном по женской линии), что Владимир Иванович Гринберг (Гринёв) в 1916 году бросил семью — жену, четырех дочерей и сына, женился на гувернантке и уехал в Германию. И все верили в эту легенду, пока я не начал рыться в архивах. И оказалось, что похоронен он в Нижнем Новгороде. Я начинаю догадываться, что эта легенда придумана, чтобы не связывать семью, ее женский состав, с белогвардейским офицером.

А. М. НИКУЛИН: Вполне правдоподобно. Тогда офицеры сразу превратились в отверженных, их преследовали.

И. Б. АБАКУМОВ: Еще могу рассказать, например, почему в женской половине нашей семьи вообще не признавались самые популярные французские духи «Шанель № 5». Аналог — «Красная Москва» — пожалуйста, а «Шанель № 5» — нет! Мой дедушка, Сергей Андреевич, в своей жизни дважды был партизаном. Первый раз — в 1918-м, во время оккупации Архангельской области. Он, отслужив свое в армии, вернулся и вступил в ряды РСДРП(б), стало быть, старый большевик. Он служил в Польше, остался в Санкт-Петербурге, и партия направила его «на укрепление» в Архангельск.

Вообще-то, он был квалифицированным мотористом, некоторое время работал на Путиловском заводе. Когда началась интервенция, его поставили командовать партизанским отрядом. Отряд попал под атаку английских танков. Паника была страшная! Большинство попали в плен, он тоже. Поместили их на остров Мудьюг. Здесь был первый, так сказать, «профессиональный концлагерь», созданный англичанами, а командовал им Эрнест Бо, француз российского происхождения. Дед Эрнеста Бо был пленным офицером армии Наполеона (по происхождению — бельгиец), то ли попал в плен, то ли сам сдался. Его сын стал парфюмером. Фабрика «Свобода» в Москве — это его фабрика. И Эрнест Бо, такой толстенький, сам из парфюмеров, командовал этим концентрационным лагерем на острове. Он лишился всего и был очень злой, очень жестокий человек. Деду моему лично, своими руками, клещами вырывал по одному зубу в неделю. Что-то хотел от него получить. У деда не было ни одного своего зуба, все стальные. Деду удалось бежать, за несколько недель до того, как их освободила Красная Армия. Это был массовый побег, залив замерз, они бежали по льду с острова на Большую землю, а по ним лупили из пулемета. Дед много рассказывал... В общем, этот «бобик» — Эрнест Бо, приехал в Париж, и, поскольку он был сыном поставщика Двора его императорского величества, кто-то из членов царской семьи его познакомил с Коко Шанель. И он ей продал рецепт своих духов. Потому-то в нашей семье женщины ненавидели «Шанель»! Вот такие у меня предки: с одной стороны — крестьяне, с другой — военные. Дед, Сергей Андреевич, после того, как был освобожден, работал в ЧК, сначала в Архангельске комиссаром...

А. М. НИКУЛИН: Перебью Вас: на Мудьюге оказался Абакумов или Гринёв?

И. Б. АБАКУМОВ: Абакумов, по крестьянской линии. Дед в Первую мировую дослужился до унтер-офицера. Это уже профессиональный военный, унтер — профессиональная должность. Стал смотреть, какое у него образование — «двухклассное образование». Два класса? Скорее, две ступени сроком в 9 лет. Дед свободно читал по-польски и по-немецки, без словаря. Я помню его библиотеку. Он ничего никогда не рассказывал, был закрытый. Я знаю только, что он участвовал в подавлении Ярославского восстания, за что получил маузер. Знаю, что был первым комендантом Соловецкого архипелага.

А. М. НИКУЛИН: Вот это да! С одной стороны, сам побывал в концлагере, а потом и концлагерь на Соловках организовывал.

И. Б. АБАКУМОВ: Нет, он не организовывал. Там в этот период не было советской власти, и его отправили туда комендантом, «представителем власти». Дед договаривался с монахами, чтобы они открыли зерновые склады. Они их открыли добровольно, никакого насилия не было, это всеми подтверждается. И он организовывал там из монахов первый совхоз. Потом был комиссаром Ар-

хангельской губчека. Все репрессии с расстрелами белых офицеров там завертелись, когда приехали Кедров и Кацнельсон. Кедров, родом из дворян, стал настоящим садистом, которого потом лечили в психиатрической клинике в Норвегии. Жуткое было время. Ад.

Дед старался, судя по его послужному списку, перемещаться в сторону дома. Так он по службе оказался в Нижнем Новгороде. Потом его отправили в Астрахань, потом — в Оренбург, во Фрунзе (ныне Бишкек), где он был помощником наркома НКВД. Это большая должность. И там его осудили по ст. 58 в 1937-м, по расстрельной статье — за шпионаж, естественно, на англичан (он же у них сидел). Дед уже ждал расстрела. В тюрьме ему, как офицеру, давали папиросы, а не махорку. А он никогда не курил и раздавал «табачок» всем, на папиросной же бумаге писал записки и в окошко выбрасывал, тюрьма стояла на горе. В записках было написано, кому и куда ее передать, где он находится. Кто-то записку подобрал, прочитал, передал, и это его спасло. В 1941-м ему вернули ордена, вернули звание, тогда старший майор госбезопасности — это генеральская должность, два больших ромба в петлицах. Вернули и партбилет, естественно. И отправили под Звенигород — командовать партизанским отрядом, который контролировал достаточно большую территорию между Звенигородом и Рузой. Это был партизанский отряд НКВД, там были одни чекисты, местного населения почти не было, только мальчишек использовали как связных. Иными словами, это был профессиональный, практически диверсионный отряд, что-то они там взрывали. Дед забрал с собой несовершеннолетнего младшего сына, брата моего отца, дядю Юру. Папа в этот момент учился в военном училище в Армавире на летчика-истребителя. Потом их училище эвакуировали в Фергану, потом — в Алма-Ату. Так что папа в Великой Отечественной не успел поучаствовать, только учился. В 1942-м вступил в партию, писал заявления «хочу на фронт!», но его оставили инструктором. Из-за этого он очень переживал. А двоюродный его брат со стороны Гринбергов, дядя Женя, я его помню, воевал артиллеристом под Сталинградом и Кенигсбергом, был там ранен. После ранения поступил в Артиллерийскую академию. Когда прорвали блокаду Ленинграда, Академия вернулась туда. А отец дяди Жени — дядя Боря, я его тоже помню, в 1917 году сразу принял сторону большевиков. В партию не вступил, но сказал, что будет служить в РККА. Был военным инженером, дослужился до полковника. Беспартийный! В партию он вступил только после войны. Может быть, его не принимали из-за происхождения, не знаю. Но приняли только тогда, когда он получил Сталинскую премию за то, что сконструировал затвор «катюши». За это он получил квартиру на ул. Горького в доме № 3 с видом на Кремль. А потом его перевели в Эстонию. Умер он в Ленинграде. Так что воевали все, в разных родах войск, на разных фронтах. Папа всю жизнь готовил курсантов, среди них и Герои Советского Союза, и известные летчики. Конечно, многие

погибли, но среди его курсантов потери были очень маленькие, потому что подготовка была классная. Его не отпускали, он переживал, писал в ЦК и Сталину.

Когда Иван Кожедуб в 1950 году в ноябре объявил набор добровольцев в Корею, папа был первым. Кожедуб его лично инструктировал и проверял. Папа стал командиром звена уже на МиГ-15. В дивизии было только три летчика первого класса: Кожедуб, папа и командир полка Пепеляев, все остальные второго класса. Когда американцы решили стереть советский аэродром на территории Китая в пыль и прах, папа попал в самую заваруху. Это была знаменитая битва 12 апреля 1951 года, «Корейский сюрприз», как ее называли. Именно этот бой доказал американцам, что планам устроить атомные бомбардировки СССР и Китая не сбыться. Ведь ни один советский истребитель в этом бою не был сбит, а американцы только пленными потеряли более 100 летчиков.

Про Корейскую войну можно много рассказывать, она прошла через всю мою жизнь. Мои первые игрушки — папин шлемофон и пули, которые вытащили из его самолета и из него самого. Папа после Кореи дослуживал в Калуге, где я и родился. В Калуге стояла дивизия ПВО, которая охраняла Обнинскую АЭС. Помню, папа, как начальник воздушной разведки дивизии, периодически дежурил «по небу», и однажды над станцией пролетали американские самолеты-разведчики, на очень большой высоте. Они взлетали из Норвегии, а садились в Турции, пролетали над Москвой. Никто не знал, что у них на борту, то ли фотоаппарат, то ли атомная бомба, а взять их ничем не могли — ракет не было, истребители не доставали. Папа приказал поставить истребители на максимальной высоте в разгон, они пошли в разгон на форсаже, их вывели, что называется, «вдогон», самолеты начали по инерции подниматься — и тогда ударили из пушек и одного разведчика «достали». Он упал в районе Крыма. Экипаж погиб, а аппаратуру всю изъяли, посмотрели, что наснимали. Оказалось — крупные планы Обнинской АЭС. А также шикарно получился Кремль, хоть в журнал «Лайф» посылай. За это отец получил орден Красной Звезды, а за Корею два боевых ордена Красного Знамени и орден Ленина. Комдив Кожедуб за последний бой, где папа, прикрывая группу атакующих, дрался один с четырьмя парами, его сбили, но он оттянул их на себя, представил к званию Героя. Американцы любили гоняться за «одиночками», потому что одна пара заходит, атакует и уходит; вторая пара заходит, атакует и уходит. И так каждый из четырех летчиков отчитывается о сбитом русском самолете. Американские подсчеты наших потерь — у нас столько самолетов не было, сколько они записали. Я это все глубоко изучал, глубже некоторых историков. Папа позже написал книгу про Корею, хотя операция была засекречена, потому что воевали против войск ООН. У всех наших участников были китайские документы, а имена вроде Ли Си Цин. Вот в такой семье я вырос.

Родившись в Калуге, прожил там всего три месяца, и мы переехали в Жуковский — знаменитый авиационный центр. Папу «распределили» в ЦАГИ (тогда «почтовый ящик 747»), в лабораторию прочности летательных аппаратов. И он, как боевой летчик, консультировал конструкторов: на какой фигуре крыло сгибается, условно говоря. Умер он в 1994 году, похоронен в Жуковском. А я отслужил в армии, учился в аэроклубе, так что, естественно, летать умею.

А. М. НИКУЛИН: И «корочки» самолетные есть?

И. Б. АБАКУМОВ: А как же! Не на самолет, на планер. Хотел уйти в боевую авиацию, рост не тот: ограничения не выше 185 см, а у меня 185,5 было уже в 10-м классе. А там еще расти и расти. Поэтому я пошел в журналистику.

А. М. НИКУЛИН: А почему в журналистику?

И. Б. АБАКУМОВ: Папа посоветовал. У меня сочинения всегда были 5/5, русский язык и замысел. Я обычно брал свободную тему, и это было очень выигрышно, потому что можно было фантазировать. В армии я служил в Ленинграде, где общался со всеми Гринёвыми, которые там были, ходил к ним в увольнение. В Ленинграде я состоял в войсках связи, мы оборудовали связью «особо охраняемые объекты», как тогда говорили. И однажды обнаружили, что иностранное консульство прослушивает секретный кабель. Нам нужно было его оставить на том же месте, а дубль переложить по другому маршруту, и не по колодцам, которые по городу разбросаны, а по метро, чтобы к нему нельзя было подключиться. А по старому шпионам потом «дезу» сливали. Мы также летали монтировать антенные поля во Вьетнам (в Камрань), на Кубу в Лурдес. Монтировали антенные поля на космодроме в Плесецке. В Ужуре были, там наши ракетные шахты.

В общем, я вернулся из армии и позвонил коллеге по аэроклубу, которая училась на факультете журналистики и уже работала в «Комсомолке». А через нее познакомился с сотрудником московской областной газеты «Ленинское знамя». Им в редакцию нужен был курьер. А я после армии опять в ЦАГИ устроился, где работал после школы, но хотел быть поближе к журналистике. В общем, через полгода я уже работал корреспондентом, сразу начал писать. Потом поступил на журфак в МГУ без конкурса, как «дембель». Начинал в «Ленинском знамени» (Московская областная газета) и проработал там почти 10 лет. Сначала был, как все, криминальным репортером, потом — спецкором и сам выбирал себе интересную тему. Наша газета была самая тиражная из всех областных: 300 тысяч экземпляров — это очень большой тираж! Потом я стал завотделом информации, между прочим, самого большого в Москве, включая всесоюзные газеты. Редакция «Ленинского знамени» находилась в Москве на Красной Пресне. Там же рядом «Московская правда», «Вечерняя Москва» и «Московский комсомолец». И наша газета, в отличие от всех остальных, была, что называется, «доно-

ром» по кадрам для «Правды», «Труда» и «Советской России», т.е. можно было перейти работать в них. Или в журналы — например, в престижную «Гражданскую авиацию» и летать по всей стране, и даже по всему миру.

Но один умный человек после долгой беседы сказал мне: «Слушай, есть такая тема — сельская». Я говорю: «Да ладно!» Я тогда еще не знал, что у меня сельские корни. Он стал объяснять: «Во-первых, этой тематикой мало кто хочет заниматься, и там нет конкуренции. Во-вторых, через некоторое время вопросы продовольствия будут на первом месте. В-третьих, плеяда писателей-деревенщиков — Белов, Астафьев начнет уходить в прошлое». Это было году в 1976–1977-м, и я попросился в отдел сельского хозяйства. Все были очень удивлены, ведь у меня классно шла карьера репортера-информационщика. Мы делали материалы, о которых можно было только мечтать, — и тут писать про «колхоз-навоз»? Я начал ездить и сразу писать, искать интересных людей. Не только про «надои-привесы», которые требовались, но больше всего про судьбы людей. И выяснилось, что это гораздо интереснее, чем разные ДТП, намного! Была такая организация — Народный контроль, встроенная в систему власти, финансировалась государством. В ней для каждой сферы экономики были свои специалисты. Если, допустим, инспектор НК едет на ферму, то это человек, который ранее работал в сельском хозяйстве и в нем разбирается. Если инспектор едет на завод, то он как минимум работал мастером, его на мякине не проведешь. Мне захотелось посоветоваться с этими людьми, и было интересно посмотреть — что же они ищут. И я начал понимать, как система Народного контроля предваряла посадку какого-нибудь неугодного руководителя. Последовательность была такая — сначала приезжает Народный контроль, дает свое заключение. А в любом хозяйстве есть нарушения, сквозняк на ферме — уже нарушение. Их страшно боялись, потому что понимали, к чему это все приводит. Потом эта справка отправлялась в прокуратуру, в МВД/БХСС и в партийные органы. И в нужный момент эта справка доставалась. Это и есть та самая система компромата. Задача изначально ставилась — искать недостатки. Быстро понял, что система меняла людей, но не менялась сама. Один из председателей колхозов, куда приехал НК и я, как журналист, вышел со мной покурить. Он был на костылях — без ноги после войны — и, поскольку ему сложно быть за рулем, его возил водитель. Он мне говорит: «Я смотрю, ты не подонок. Чувствую, тебе интересно. У меня сейчас шофер по семейным обстоятельствам уезжает на две недели. У тебя права есть? Хочешь поработать? Много увидишь». Я взял отпуск за свой счет, работал у него шофером. И вот тут я увидел совершенно другое лицо сельского хозяйства. Что на самом деле происходит с сельским хозяйством, как его представляют в газетах и что от него хотят партийные власти. Это был очень хороший для меня урок.

А. М. НИКУЛИН: Это как-то удалось зафиксировать, осмыслить?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Была написана серия из четырех статей «Две недели с председателем». Их прочитал редактор с изменившимся цветом лица, потом они попали на стол секретарю обкома партии по идеологии, который потом инициировал мой вызов в обком партии, где со мной провели «отеческую беседу». Что это все не так на самом деле, что увиденное — это ошибка, ошибка политическая, а это влечет за собой «кадровые решения».

Я был молодой, борзый, мне было 22 года, после армии ничего не боялся, потому возьми, да и ляпни: «Не хотите читать в «Ленинском знамени», будете читать в «Нью-Йорк Таймс». И тут я увидел, как переворачивается лицо секретаря обкома, который со мной «отечески разговаривал». Я думал, ну все равно выгонят. Кстати, меня дважды пытались выгнать, один раз из «Ленинского знамени», второй — из «Известий». Секретарь обкома сказал: «Будем считать, что ты этого не говорил, а я этого не слышал. Публиковать не будем, но и увольнять не будем. Хорошо?» Я говорю: «Хорошо». На этом и сошлись. И дальше я начал копать совершенно спокойно, потому что понял, что у меня есть некая «индульгенция». Главный редактор, видимо, получив какие-то указания, начал меня беречь, в том числе и от критики коллег. Потом меня пригласили в газету «Известия» в сельхозотдел сразу на должность спецкора. По тем временам эта должность — как тайный агент Председателя Президиума Верховного Совета М. П. Георгадзе. Когда спецкор отправлялся в регион, об этом сразу же предупреждали местное руководство и партийные власти. Были в газетах еще и собкоры — собственные корреспонденты, которые жили постоянно в крупном городе, но критических статей, как правило, не писали. И когда нужно было кого-то «вздрючить», то посылали спецкора, который как бы экстерриториален, ни от кого не зависит (ни материально, ни морально), никому там ничем не обязан, подчиняется только главному редактору, а главный — только ЦК. Поэтому, когда мы приезжали, нас прямо у трапа самолета встречали одна или две черных «Волги», сразу везли в ресторан — напоить, накачать.

В «Известиях» я с 1985 года. Как раз прошел Апрельский пленум, началась перестройка. Вот меня и пригласили как борзого и наглого. Спецкоров в «Известиях» вообще было мало, так еще и из «Ленинского знамени» раньше никого в них не брали. «Известия» считались элитной газетой, и я попал в коллектив, о котором можно было только мечтать. В «Ленинском знамени» был очень сильный коллектив, но в «Известиях» просто небожители. Там работали дипломаты — Валентин Фалин, Александр Бовин, Станислав Кондрашов, а также люди, о которых я только потом узнал, что они знаменитые разведчики. С ними можно было сидеть в кофейне за одним столиком и слушать их разговор — ну прямо передача «Международная панорама». Там были публици-

сты — Николай Боднарук, Ирина Круглянская, Евгений Жбанов, Эдвин Поляновский, многие, многие другие легенды профессии... Мой взлет начался в «Известиях». И речь не о статусе, я был слишком воспитан, чтобы воспринимать статус как некое богом данное что-то. Статус в данном случае — это возможность что-то сделать, чего-то добиться, донести мысль, был другой алгоритм подготовки статей. В «Ленинском знамени» я написал, отдал завотделом, тот подписал, потом главред прочитал — и в печать. А здесь читает вся редколлегия. А редколлегия утверждается в ЦК, в Отделе пропаганды. Некоторых вообще утверждали на уровне секретарей ЦК. Эти люди отвечали за слово. Это не просто газета была, а такой социально-политический институт.

А. М. НИКУЛИН: Да, это больше, чем газета.

И. Б. АБАКУМОВ: И все прекрасно это понимали. Если «Правда» — это чисто идеологическая институция: корреспондент приехал, в обкоме информацию получил, уехал. А «Известия» никому не подчинялись. У нас было написано: «Издатель — Президиум Верховного Совета». Тогда как раз началась перестроечная «горячка», и я попал в группу, которая готовила материалы по аграрной реформе. Группу возглавлял Горбачев. Лигачев хоть и был «ответственным» за село, его отодвинули. Группа заседала в санатории «Сосны». Закрытый санаторий ЦК, за Николиной Горой, охраняемый. И там были академики Леонид Абалкин, Станислав Шаталин, Владимир Тихонов...

А. М. НИКУЛИН: Они же не только селом занимались.

И. Б. АБАКУМОВ: Они всем занимались. По сельскому хозяйству — академики Владимир Тихонов, Александр Никонов, Алексей Емельянов. Из нашего сельхозотдела в группе участвовали два человека, которые попеременно ездили туда на неделю. Стенографистки из «Известий» записывали все разговоры. Это были не какие-нибудь конференции или семинары, разговоры могли вестись даже на дорожке в бассейне. Потом все это расшифровывалось, ложилось мне на стол, я должен был это все редактировать, обкатывать варианты формулировок и т.д. Я спрашиваю: «А можно это видоизменять?» Мне: «Делай, что хочешь. Мы тебе доверяем, ты фигню не напишешь. Ты видишь то, чего не видим мы, — вноси от себя». Я отдаю стенографистке, она все это перепечатывает и каждому раздает. Тогда я впервые увидел ксерокс. У нас в «Известиях» ксерокс был в оцинкованной комнате с бронированной дверью, и там сидел специальный человек. Ответственный секретарь газеты должен был давать разрешение на ксерокопирование. А в санатории ксерокс стоял в свободном доступе. Короче, напитался я там этими мыслями. С Шаталиным мы просто подружились, и потом мы с ним делали один очень большой фермерский проект. Точнее, он взял на себя его продвижение по «верхам», поскольку был личным советником Горбачева.

Что мне дали «Известия»? «Расширение горизонта», взглядов на жизнь, иной уровень рассмотрения проблем. Сначала надо подняться на гору и осмотреться, поскольку принцип «Известий»: «Не смотри никогда снизу вверх, смотри сверху вниз». Это у меня запечатлелось четко.

Когда в 1985–1986 годах началось кооперативное движение, первый в стране сельхозкооператив был образован в деревне Снятинка Загорского района Московской области. Бывший замначальника «Мособлсельхозтехники» Тимур Кабирович Кадыров, которому надоела номенклатурная жизнь, купил бычков, поставил их на откорм, договорился с соседями, что у них будет убойный цех, и таким образом они зарегистрировали кооператив из нескольких человек. Мясо поставляли в Москву. Получилось очень неплохо. Я про это написал. В редакцию приехал экономист Валерий Максович Рутгайзер, попросил познакомить с кооперативщиками. Я позвонил Кадырову, мол, едем к тебе с экономистом, готовься. В результате мы там, у Тимура, зависли дня на четыре. Они все разговаривали-разговаривали. Закончилось дело тем, что Рутгайзер говорит Тимуру: «Сейчас в Новосибирске академик Заславская будет проводить конференцию, поехали со мной». Когда они обратно возвращались, позвонили мне из Домодедово — аж взахлеб: «Игорь! Тут такое! Такое!» Я: «Что стряслось? Переворот? Война?» Приезжаю утром в Снятинку, они уже там: «Заславская кинула хорошую идею: надо делать ассоциацию фермеров России». Тогда как раз в 1990-м «расколхозивание» началось, и пошло фермерство. Я говорю: «Что, надо объявление про учредительную конференцию давать? Которая потом объявит дату учредительного съезда?» Я к главному редактору «Известий» на следующий день: так и так. А главный — Иван Дмитриевич Лаптев — тогда ходил по лезвию бритвы между Горбачевым и Лигачевым. Лигачев отвечал за идеологию, главный тяготел к Горбачеву, но Лигачев главреда мог снять за «слишком левые» идеи. Он мне: «Напиши текст, мне надо посоветоваться». Я напечатал — на пишущей машинке в одном экземпляре. Через пару дней он согласовал. Но велел подбирать толковых людей на конференцию, не крикунов. Это были уже арендаторы, которые хотели быть фермерами. Вот тогда все и закрутилось. Оказывается, прошла команда с самого «верха», по всей «вертикали»: из ЦК ВЛКСМ, чтобы выделили место, по МВД — обеспечить охрану, по КГБ, естественно, контроль. ЦК ВЛКСМ предложили провести за городом в пансионате «Шереметьево».

Был создан оргкомитет, Тимур был его председателем, Рутгайзер зампредседателя, я его членом. Сейчас бытует легенда, которая поддерживается самой АККОР: что один из тех, кто инициировал создание АККОР, был Абакумов, потому что он в «Известиях» напечатал объявление. Причем об этом говорят Петриков, Башмачников. Ну это моя газета, что ли?! Определили мне такую роль!

А. М. НИКУЛИН: Соглашайтесь!

И. Б. АБАКУМОВ: А я и соглашаюсь. Как на самом деле было: от ЦК ВЛКСМ это курировал второй секретарь ЦК, который сейчас вице-президент Академии наук, Николай Кузьмич Долгушкин. А исполнителем был «секретарь по селу» Валентин Петрович Денисов. И именно он определял, где это будет проходить и т.д. Именно он взаимодействовал с КГБ, чтобы на съезде не было политических манифестов, и с МВД — чтобы не было алкоголиков и наркоманов. Все было под жутким контролем, но «фишка» в том, что прошла команда — и все стали «за» фермерское движение. Я, как член оргкомитета, познакомился и с куратором от КГБ — он сказал, что они следят, чтобы из фермерского движения не организовали партию. Тогда же уже была создана ЛДПР, но под контролем.

А. М. НИКУЛИН: ЛДПР — это тоже «проект органов»?

И. Б. АБАКУМОВ: А чей еще мог быть проект в 1990-м? Это был проект многопартийной системы, вернее, ее имитации в СССР. Сказать, что «Жириновский создал партию» — это то же самое, что сказать, что Абакумов пришел и в газете напечатал объявление, и даже Георгадзе не обратил внимания. В общем, приехало народу — туча, причем мужики, которые работают на земле. На входе мы организовали фейс-контроль, чтобы всякого рода городских сумасшедших, собиравшихся покричать «Россию продали!», отводить подальше. В общем, пришли работяги-мужики, и как начали говорить!

И еще мы отсекли тогда Юрия Черниченко и Олега Попцова — они пришли на конференцию с целью создать крестьянскую партию. Я говорю: «Ребята, сейчас не надо! Я — «за», но в данный момент не надо, нас просто запретят!» — «Нет, Игорь, ты не понимаешь! Это нужно делать сейчас!» — кричал Черниченко. Я тоже уже кое-что видел в жизни и знаю, насколько быстро это все сворачивается. Говорю: «Это надо делать параллельно и в другом месте». — «А когда мы еще соберем людей?» Я говорю, что не получится «на чужом горбу в рай въехать». И в этот момент в том же 1990-м председатель колхоза Михаил Иванович Лапшин объявил о создании Аграрной партии (это был второй проект ЦК КПСС). Он объявил, но зарегистрирована она была только в 1991-м, уже постфактум. И все восприняли Лапшина нормально, потому что он был председателем колхоза, причем колхоза успешного.

Название АККОР придумал я на учредительной конференции. Ассоциация крестьянских фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России — это полное наименование, так оно записано в материалах конференции. ЦК ВЛКСМ предоставил свой аппарат, весь Орготдел ЦК ВЛКСМ работал на АККОР.

Николай Кузьмич Долгушкин это все курировал как второй секретарь, а Валентин Петрович Денисов как «секретарь по селу» это все исполнял (совершенно недооцененная фигура в создании фермерского движения). Он же занимался журналом «Сельская молодежь». Это целенаправленное воспитание, типа «Московско-

го комсомольца», только на селе. Была, конечно, некая ревность между «Сельской молодежью» и «Известиями». Я говорю: «Никакой ревности быть не должно, мы все делаем одно дело. Два издания в оргкомитете лучше, чем одно». Я везде настаивал, что без их представителей мы не заседаем, чтобы не было потом обид. Они профессионалы в своей сфере. И дальше прошла конференция, которая назначила созыв съезда АККОР.

А. М. НИКУЛИН: Получается, что идея фермерской ассоциации плавно перетекла в АККОР?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Идея принадлежала Татьяне Ивановне Заславской, ее привезли в Москву Рутгайзер и Тимур Кадыров. Эти две фамилии сейчас в истории АККОР вообще не упоминаются, так же как и фамилия Денисова. Выходит, что один Башмачников у нас «создавал» АККОР. Хотя он тогда был консультантом ЦК, и мы к нему ходили на Старую площадь, но он как-то вяло реагировал. Сразу на конференции мы предложили, чтобы президентом АККОР стал А. М. Емельянов — академик тогда еще ВАСХНИЛ, человек умный, политически активный.

А. М. НИКУЛИН: О, и какой он оратор! Один из «прорабов перестройки», очень известный.

И. Б. АБАКУМОВ: Был еще момент: я для «Известий» готовил многие «перестроечные» статьи, в том числе редактировал и Емельянова, например, из 12 страниц сделать 6, это не так уж и легко, кое-что надо было просто-напросто переписать. Потом я с ним все согласовывал — чтобы с водой не выплеснуть и ребенка. Я и Тихонова редактировал, и Абалкина. И они все мне очень доверяли, потому что я длинную мысль делал короче, но менее емкой она не становилась. В этом мне помог опыт из санатория «Сосны», где мы готовили перестроечные документы. Я там очень многого наслушался, мой уровень высоко поднялся. Какие люди были умные! Сейчас нет таких.

А. М. НИКУЛИН: Конечно, советская власть готовила профессиональные кадры, что по партийной линии, что по комсомольской, что в журналистике. Однако все рухнуло... Я Заславскую спрашивал: «Татьяна Ивановна, было у Вас ощущение после 1991-го — как в 1941-м? У нас лучшая армия, замечательные маршалы — и все рушится на глазах, как же так?!» Это был для нее обидный вопрос, трагический. Она сказала: «Знаете, Саша, социум так сложно устроен... Жизнь так сложно устроена, что я вам честно могу сказать: мы не могли понять глубину, тяжесть проблемы, в которой мы оказались».

И. Б. АБАКУМОВ: А тогда конференция назначила съезд, и народ мирно разъехался. Но когда мы опубликовали отчет, когда все это разошлось по прессе, посыпались мешки писем в «Известия», в «Комсомолку». «Хотим делать, участвовать, рассказывать и т.д.». Подъем был неслыханный.

А. М. НИКУЛИН: Да, население поверило и готовилось участвовать.

И. Б. АБАКУМОВ: Ну этому еще предшествовало постановление ЦК КПСС «О работе с письмами трудящихся». Вместо социологии были газеты, куда приходили письма. Они взяли на себя эту социологическую функцию. После этого постановления были образованы отделы писем в каждой редакции, от районной до газеты национального уровня, центральной прессы. Это были огромные отделы, по 20 человек. Они что-то отправляли «для принятия мер», что-то — «ставили на контроль». И были люди, которые делали еженедельный обзор почты, который утверждал главный редактор и отправлял в ЦК.

А. М. НИКУЛИН: Это была особая советская культура общения через газету с властью.

И. Б. АБАКУМОВ: Обратная связь, ради которой все это и создавалось. Тогда власть нуждалась в этом. Я помню, как с нами, «известинцами» из сельхозотдела, очень внимательно беседовал И. С. Силаев, который тогда курировал сельское хозяйство. Потом он стал премьер-министром. Ну и на съезде АККОР Емельянов предложил выбрать меня вице-президентом по международным связям и связям с общественностью. Мол, ты же журналист, выступаешь всегда правильно — вот и вперед. Впрочем, ни он, ни другие академики меня на «ты» никогда не называли. По имени-отчеству «Игорь Борисович» и на «вы».

Дальше был проект «Инфра». Я «задружился» с атташе по сельскому хозяйству посольства Нидерландов Германом ван Виссеном. Мне было интересно — что такое вообще фермерство, потому что одно дело — объявить, а другое дело — знать. Я говорю: «Надо бы мне материалы получить, желательно переведенные». И он этим озадачился. Но времени было мало, и я начал писать по этим материалам обзоры о том, что в мире происходит с фермерством. И в этот момент (это 1989 год, излет) главному редактору Ивану Дмитриевичу Лаптеву позвонил Егор Лигачев. Лаптев меня вызывает: «Игорь, Лигачев требует тебя уволить». Я спрашиваю: «И что будем делать?» «Ну давай сделаем так...» — приглашает нашего кадровика в чине подполковника: «Игорь, на одном листе пиши заявление об уходе, на другом — о приеме на работу». Кадровику говорит: «Сделаешь два приказа, один — сегодня уволить, другой — завтра принять. Но второй приказ пока не регистрируй, пусть полежит». И об этом знали только три человека.

Приказ выполнил, Лигачеву отправил, тот сказал: «Молодец! По-партийному поступил». Лаптев мне: «Игорь, чтобы тебя месяц в редакции не было. Езжай, куда хочешь. Дам распоряжение, чтобы тебе выдали валюту, и вали отсюда в любую страну!» И я у ван Виссена спрашиваю: «Герман, а ты мне можешь устроить поездку? Деньги есть, главный велел». Он мне говорит: «Да я ждал этого вопроса! Мы тебе подготовим не поездку, а стажировку!» Это гораздо

круче. В общем, я уехал туда на месяц, потом вернулся с четырьмя статьями «Как я был фермером в Голландии». Это были полосные материалы. Представляешь — четыре дня было по полосе в «Известиях!». Это была такая бомба! Такая вещь! В них я сравнивал их «уход за фермерами» с нашими законами и правами. В Голландии мне подобрали фермерское хозяйство, где был сын, учивший русский язык. Вначале я был помощником у фермера — работал вручную, потом ворошил сено на тракторе. Позже в деревенском кооперативе первого уровня ходил вместе с фермером в банк получать кредит. Потом в кооперативе второго уровня, районного, потом — третьего уровня. В финале я выполнял функции дублера министра сельского хозяйства. Я вел совещание! Естественно, министр сидел рядом. А на совещании обсуждали, как отправить продовольственную помощь в РФ. Я потом министра спросил, как прошло? Он говорит: «Все отлично, квалифицированно, но очень эмоционально». У них, у бюрократов, так не принято. Я там узнал любопытные вещи, которых у нас нет и в помине. Когда я ворошил сено на тракторе, трактор заглох. Бывает. Я его не смог запустить, сижу, жду, пока приедут. А рядом — автобан, дорога, народ едет, машет (про меня уже газеты написали — что «русский приехал изучать...»). Я тоже помахал. И машины начали останавливаться. Два или три «дальнобоя» остановились и несколько легковых машин. Мужики подошли: что случилось? Я «на пальцах» объяснил, что стряслось. Они показали: да вот, надо было воздушный клапан открыть. Открыли — и все заработало. Я приехал, машину поставил под навес. Утром за завтраком спрашиваю: вот такое было, что это? Мне хозяин: «А это древний голландский обычай — приветствовать работающего в поле человека. Если он поднял руку, значит, ему нужна помощь». И тут я понял, что мы далековато от них ушли в этом направлении, начиная с 1917 года.

Мы с фермером из моей стажировки пошли покупать ему трактор «Дойц». В банке разговор о кредите занял 40 минут, потом деньги ушли в механическую мастерскую. Там в каждой деревне работает механическая мастерская, где можно купить б/у технику, потому что новая дорогая. Это был 1989 год. Объясню, почему все так быстро: во-первых, отделение банка здесь же, во-вторых, банкир из этой же деревни и учился вместе с фермером в школе, в-третьих, он про фермера все знает, у него в компьютере информация, сколько у фермера земли, сколько удобрений внесено, как стоимость земли приросла, сколько укосов травы, сколько топлива фермер купил, какой расход топлива. Ведь все платежи проходят через банк. И нет кэша — почему? Потому что все фермеры являются акционерами крестьянского кооперативного банка. У них неприлично наличными расплачиваться друг с другом. У них нет огородов — если тебе нужна картошка, ты идешь покупать к тому фермеру, который ее профессионально выращивает. За курицей ты идешь к соседнему фермеру.

Когда я вернулся со статьями, Лигачев к тому моменту потерял силу, Лаптеву ничего не было за эти статьи. Я пошел выпить с Германом ван Виссеном. Говорю: «Герман, я пришел к выводу, что нам начинать фермерское движение на ровном месте — пустое дело». Он говорит: «Я рад, что ты пришел к такому выводу». Давай, говорю, сделаем проект — несколько голландских фермеров и несколько российских фермеров селятся на одной территории. Голландцы образовывают кооператив, работают, как работали, как привыкли, как знают. А наши не знают, что такое кооператив, вообще не знают, как это сделать в реальности с нашим законодательством, как совместить ежа и ужа, поэтому надо выделить территорию, где временно приостанавливается действие каких-то законов. А потом наши действующие законы под эту территорию начинают подстраиваться. Там будет отрабатываться модель взаимодействия русских и голландских фермеров. Как Маугли — жил среди волков и начал перенимать их повадки.

А. М. НИКУЛИН: Что-то типа свободной экономической зоны, где не действуют российские законы, а действуют законы кооперации голландско-российских фермеров? В некоторой степени — это утопический проект.

И. Б. АБАКУМОВ: Конечно, утопический. Но мы же большевики, мы же советские люди. Как в «Повести о настоящем человеке»: «Но ты же советский человек!» А с той стороны, я смотрю, отклик есть. Говорю: «Изучи у своих голландских начальников в минсельхозе — есть у них интерес к этому?» Через неделю он мне звонит: «Огромный интерес!» Мы написали записку, я с ней пошел к академику Шаталину. А он же «системщик», моделирование и прочее, ЦЭМИ руководил. Он: «О, да это же то, что нужно!» Я говорю: «Давайте формировать банду!» — «Да она готова! Абалкин, Тихонов, Емельянов. Пиши проект!» Никонова, правда, не назвал. Я говорю: «Давайте записку напишем и отдадим Силаеву, он — премьер, на его территории это все будет». Силаев же «системщик», «оборонщик», талантливый человек. Иван Степанович на моих глазах записку прочитал, говорит: «Обалденная история!» В общем, была образована межправительственная комиссии Нидерландов и РФ. С одной стороны, министр экономики Нидерландов Люберс (потом он стал министром экономики ЕС — еще Европейского сообщества, уже потом союзом ставшего), а с другой стороны Силаев. Договорились — по два миллиона долларов скинуться. По тем временам-то это огромные деньги. Наши резервировали деньги во Внешторгбанке, голландцы — в Рабо-банке (крестьянском кооперативном банке).

В общем, был создан проект «Инфра». Силаев, как «системщик», переговорил с Люберсом: «Давай выше подниматься. Давай по 50 фермеров с каждой стороны, всего 100 фермеров. Землю найдем». Землю нашли в том же Загорском районе, рядом с кооперативом «Снятинка», место, где было правительственное охотхозяйство

Брежнева, Соломенцева, Пуго. Тогда шла «борьба с привилегиями», и эти хозяйства пустовали. Но чтобы они функционировали, при начале их строительства оттуда выселили все население, дали им квартиры, то-се. Так что кроме охраны, никого не было.

А. М. НИКУЛИН: Таким образом, заполнили бывшую «номенклатурную пустоту»?

И. Б. АБАКУМОВ: Да, хорошее выражение. Для обустройства этой территории была на конкурсной основе выбрана голландская компания «Евроконсалт». А решение о выделении прошло в течение недели, Силаев позвонил председателю Мособлисполкома Черепанову: «Надо!» Тот: «А мне за это что?» — «Напиши, что тебе надо».

А. М. НИКУЛИН: Сколько же по площади она была, если речь шла уже о десятках фермеров?

И. Б. АБАКУМОВ: 50 га на каждый из 100 участков. Это площадь маленького колхоза, у среднего совхоза земли обычно 10 тыс. га, а здесь — 5 тыс. «Известия» опять опубликовали: «Объявляется конкурс на прохождение стажировки в Голландии для участия в проекте». После публикации как пошли письма — от Киргизии, Армении, Дальнего Востока до Калининграда, включая прочие регионы — мама дорогая! Я говорю: «Ребята, я не справлюсь с этим, пусть «Евроконсалт» разбирается». В общем, сначала отбирали по образовательному цензу: должно быть сельскохозяйственное образование и опыт сельской работы. Возраст — до 50 лет, это верхний предел. Обязательно наличие семьи. Пришло порядка 200 тысяч запросов, а нужно было отобрать 100. Потом сократили — с двумя высшими, до 45 лет, с двумя детьми, не с одним. В общем, набрали 150 человек — все равно отсев будет. 70 человек отправили на стажировку. Они там пробыли четыре месяца. За это время были нарезаны участки, подведены коммуникации, поставлены сборные типовые дома, заборчики — маленький штакетник, чтоб друг от друга не скрываться, а только участок обозначить. И отдельно были размечены участки для голландцев, без домов — они должны были что-то свое привезти. Но к этому моменту наступил август 1991 года. И все это остановилось. Фермеры после стажировки со знаниями уже переехали в дома, начали работать, у них уже и техника вся была. Причем часть б/у техники многие привезли с собой из Голландии. А что-то голландцы им просто подарили. И тут — заморожено финансирование с нашей стороны. Я — к Гайдару: помоги! Он: а нас не интересуют проекты СССР. Я — к Чубайсу. Тот — нас не интересуют проекты СССР, мы этим двум миллионам долларов найдем другое применение. Но несмотря на это, на сегодняшний момент из 50 фермеров остались работать 25!

А. М. НИКУЛИН: По нынешним временам это хороший результат.

И. Б. АБАКУМОВ: Это не просто «хороший результат», это ге-

ниальный результат! Это отсев меньше, чем в целом по сельскому хозяйству РФ.

А. М. НИКУЛИН: А голландские участки кому достались?

И. Б. АБАКУМОВ: Никому. Голландцы просто не приехали. Люди в фирме «Евроконсалт» по инерции продолжали работать, делали состыковку законодательства, проектирование, писали предложения, но это все уже в корзину шло. Через год они уехали и выставили счет за работу. Началась судебная тяжба, Минфин в конце концов заплатил из госбюджета. А выделенные деньги пропали.

Кстати, я собираюсь туда съездить и поговорить с теми фермерами. Земля на стыке нескольких областей: Владимирской, Московской, Ярославской и Тверской, это земля, которая никому не нужна. Это же невероятно интересно!

И вот этот проект «Инфра» вроде бы «затух», но на носу оказалась дата — 400 лет установления дипломатических отношений Нидерландов и России, Путин едет к королеве Беатрикс. И мне звонят из Минпромторга: «Игорь, что там по сельскому хозяйству можно? Надо какой-то проект запустить». Я: «А зачем запускать, вот он есть!» Начали поднимать бумаги, и выяснилось, что Постановление Правительства РСФСР «О финансировании...» этого проекта никем не отменялось! И что домики, в которых живут фермеры, до сих пор стоят на балансе Минсельхоза! Домики давно выработали свой ресурс, давно весь утеплитель высыпался, они уже стенки песком засыпают. Но дело в том, что это не их дома. Земля оформлена на них, а дома не их, снести их невозможно, потому что это чужая собственность. И этот бред продолжается 34 года уже. Я говорил с людьми из управления сельского хозяйства Загорского района, кто общается с этими фермерами: как они там себя мироощущают? «А они там ждут голландцев». Я говорю: «Так им уже лет по 70!» — «Да, но они ждут голландцев!»

А. М. НИКУЛИН: Какая абсурдно трогательная история.

И. Б. АБАКУМОВ: Государство их отправило за границу, как Петр I. Они там шикарно выучились, практиковались, им там предлагали остаться работать. Они же все специалисты, все с образованием. Но все вернулись — Родина, Горбачев, перестройка... Я предложил, давайте все возобновим, и тут же все бумаги по этому проекту, даже те, которые я не видел, появились у меня. Меня назначили в межправительственную комиссию «Нидерланды — Россия». Приехали те самые голландские специалисты, старые уже такие! И голландцы так это восприняли: «Да, мы это помним, да это же так было классно! Да, фермеры хотят приехать в Россию, давайте возобновлять!»

У нас была задача, которую поддержал Силаев как «системщик»: «100 фермеров — это уже опыт, за ним будут ездить со всего мира». Я опять поехал в Голландию. Путин встречался с королевой Беатрикс, она сказала, что прекрасно помнит этот проект. Но толь-

ко Путин уехал — над Донбассом сбили голландский «Боинг». Ну и все. Этому проекту фатально не везет.

Кто-то называет этот проект фикцией, кто-то — в частности, академик Петриков, который ничего про него не знает, но удивляется: «А почему не предложили местному населению?» Я говорю: там нет местного населения. «Такого не бывает!» Ну если там есть бабка и старик, то это не местное население, там должно быть дееспособное местное население. Специально выбрали территорию, где вообще нет местного населения. Это не маниловщина — это был реальный проект, он мог сработать. Причем это было живое желание с обеих сторон. И финансирование!

А. М. НИКУЛИН: Там важно было еще и состояние эмоционального подъема, когда люди горы свернут.

И. Б. АБАКУМОВ: Когда у людей эмоциональный подъем, поддержанный правительством, это синергия обалденная. Тогда, во время первого съезда АККОР, Емельянов мне сказал: «Нужно делать фермерскую газету, иначе все наши усилия уйдут в песок, — нужна объединяющая информационная структура». Мне это и поручили. Это тяжелая работа, но раз есть поручение — я ответственный человек. Собираю ребят из отдела сельского хозяйства «Известий», говорю: есть такое предложение, может, сделаем отделом сельского хозяйства сельскую газету? Мы пошли к директору издательства Ефремову, который отвечает за всю полиграфию. Я говорю: мы обречены на большие тиражи, а вам нужна загрузка оборудования. Помогите нам сейчас сделать пробный экземпляр, чтобы мы могли его показать инвесторам. Тогда еще слова «инвестор» не было, речь шла о богатых людях. Он согласился, взял на себя полиграфию, и мы сделали всю газету. Вся корреспондентская сеть «Известий» в регионах заметки прислала. Мы впервые в Советском Союзе напечатали бюллетень цен по рынкам в регионах в виде таблиц: хлеб, зерно, колбаса, молоко. И начали делать это ежемесячно. Я пошел с этим делом сначала в Агропромбанк, потом — в Центросоюз. Я же не знал, что там кооперации никакой нет, — думал, раз кооперативная структура, можно фермерам ее использовать: у них магазины, фермерам — реализация. Меня принял председатель правления банка Александр Александрович Обозинцев. Сказал — очень интересная идея. Как назовем? Я говорю: «Крестьянские ведомости». Он согласился: ну да, и ностальгия есть, воспринимается хорошо. Собрал членов правления, кто поближе был, спрашивает, сколько дадут. Они предложили миллион. А я всего тысяч на 100 рассчитывал! И Центросоюз, говорят, пусть миллион дает — они же богатые. Потом меня спрашивают — они же банкиры: «Ну а вы сколько дадите? Это же акционерное общество». Я говорю — у меня, кроме зарплаты, ничего нет. «Нет, надо, чтобы вы что-то вложили!» Я говорю — ну мозги. «Нет, мозги сейчас ничего не стоят». Я говорю — хорошо, продам дачу. Продал дачу — это был мой вклад. Пришел, наличку положил прямо

на стол. И мы начали выпускать «Крестьянские ведомости». Очень скоро выяснилось, что у меня не получается совмещать «Известия» и «Крестьянские ведомости». Это был 1991 год, и 19 августа было объявлено, что вся независимая пресса приостанавливает свою работу. А у меня там уже 20 человек работает.

1 февраля 1990 года мы выпустили пробный нулевой номер, а 1 февраля 1991-го первый регулярный, еженедельный номер «Крестьянских ведомостей». И с тех пор газета выходит еженедельно. Во время августовского путча я участвовал на другой стороне, за что от «Известий» был представлен к медали «Защитник свободной России». Получил эту первую государственную награду и ушел из «Известий» — уже на вольные хлеба, в бушующую бездну рынка — главным редактором «Крестьянских ведомостей». От Центросоюза мы получили еще помещение в аренду, на улице Гиляровского. Но потом очень быстро выяснилось, что это никакая не кооперативная структура. Там просто шел распил имущества Центросоюза. Они приватизировали все магазины, никаких пайщиков там давно уже нет.

Это была моя ошибка — надо было раньше понять, в чем дело, и я подумал, что надо скорее расставаться с этой структурой, пока она нас вместе с собой не утащит. Мы воспользовались ситуацией, поскольку выиграли конкурс на производство программы «Сельский час». Это 1996 год, «Голосуй или проиграешь». Банкир Александр Павлович Смоленский активно участвовал в этих выборах, он вместе с Березовским в награду получил «Первый канал» телевидения. Еще он получил в награду за выборы Агропромбанк. Короче, Смоленский, идя «навстречу пожеланиям трудящихся» от агропромышленного комплекса — председателей колхозов, решил восстановить «Сельский час» (который тогда закрыли демократы), и объявил открытый конкурс. В шорт-лист вошли три концепции: команды Юрия Черниченко, «Компании Вид» и «Крестьянских ведомостей», которая в тот момент была не на слуху. Всем выделили некоторую сумму денег на пилотный проект. И наш победил.

До этого в 1992-м закрыли «Сельский час» Черниченко, потому что он всегда ассоциировался с отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Тогда демократ Егор Яковлев возглавлял «Первый канал» — и программу выкинули оттуда вместе с Черниченко. Потом «Сельский час» возобновили — его вели политобозреватели Сергей Торчинский и Анатолий Иващенко. Иващенко ко мне очень хорошо относился, часто брал меня с собой в командировки, точнее, я ему разрабатывал тему как журналист, а он меня иногда в кадр помещал, я что-то комментировал.

К 1996 году у меня уже появился некоторый опыт видеожурналистики, я более-менее понимал, как это крутится, как лампы ставить, камеры. Мы выиграли — к нашему ужасу и неудовольствию «Первого канала».

К настоящему времени мы выкупили бренд «Сельский час» в полную нашу собственность. 3 декабря 1963 года вышел первый выпуск этой телепередачи, и у нас даже есть свидетельство от Книги рекордов России как о самой долгоживущей аграрной программы.

А. М. НИКУЛИН: Что значит «выкупить бренд», как это делается?

И. Б. АБАКУМОВ: Очень просто: когда мы выиграли тендер на право изготовления и трансляции, выяснилось, что бренд «Сельского часа» зарегистрировала какая-то компания. Тогда только началась регистрация брендов в России, и кто-то впрок для себя зарегистрировал, хотя это и была федеральная собственность. Тогда Смоленскому предложили выкупить его за 150 тыс. долларов. Смоленский отказался и спросил меня, как хотим назвать. Я говорю: «Есть же уже «Крестьянские ведомости». И «Первый канал» был вынужден раскручивать «Крестьянские ведомости», от чего телевизионщики еще больше озверели.

А. М. НИКУЛИН: Получается, как таковой «Сельский час» функционировал под именем «Крестьянских ведомостей»?

И. Б. АБАКУМОВ: При Алексее Васильевиче Гордееве, который стал министром сельского хозяйства с приходом Путина, в 2005-м начал формироваться национальный проект «Развитие АПК», в рамках которого стал нужен именно «Сельский час». Разыскали, кому этот бренд принадлежит, и выкупили. Передача с этим названием некоторое время выходила на «Втором канале», но без меня.

А. М. НИКУЛИН: «Крестьянские ведомости» и «Сельский час» шли параллельно?

И. Б. АБАКУМОВ: Нет, «Крестьянские ведомости» закончились в 2000 году.

А. М. НИКУЛИН: Почему?

И. Б. АБАКУМОВ: Потому что сочли, что сельскохозяйственная программа — это глубоко политизированная тема. В многомиллионной стране показывать деревенский сортир, даже если ты не говоришь об этом сортире, а он просто случайно попадает в кадр, всем понятно, что это такое. Короче, у нас сейчас на федеральных каналах нет ни одной сельскохозяйственной программы.

А. М. НИКУЛИН: А как же «Сельский час», который Гордеев выкупил?

И. Б. АБАКУМОВ: Да, он появился в 2005 году на «Втором канале», за эфир платило — на коммерческой основе — Российское аграрное движение. Программу вел Константин Ликутов. Но потом его закрыли по тем же причинам: сельское хозяйство показывать невыгодно. Выгодно показывать нефтяников.

Пять лет назад я позвонил Гордееву и рассказал, что пора бренд перерегистрировать и продлевать. Но «Российского аграрного движения» уже нет. Может, нам его подарите? Он позвонил кому надо,

написали отказное письмо, и зарегистрировали, но уже как интернет-канал. Он на «Рутубе», в «ВК».

А. М. НИКУЛИН: Он невероятно популярен.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, общее число просмотров — около 1,5 млн в неделю. Мы к этому спокойно относимся, специально не рекламируем — никому не надо объяснять, что такое «Сельский час»: ни молодым, ни старым.

А. М. НИКУЛИН: И в перспективе можно будет его вернуть на телевидение?

И. Б. АБАКУМОВ: Не стоит. Дело в том, что я слишком много и нервно реагировал на замечания, которые были к каждой программе. «Этого человека не надо, нам нужно поставить обязательно Аллу Пугачеву на садовом участке». У них такие представления — что я с ними буду бороться? Я пытался доказывать, на меня смотрели, как Ленин на мировую буржуазию. Телевидение — совершенно другой мир. Я к ним очень хорошо отношусь, но сельское хозяйство и реальная жизнь — это другое.

Продолжение в следующем номере

“And then I saw a completely different side of agriculture”

Igor B. Abakumov, PhD (Economics), Head of the “Krestyanskie Vedomosti” media group. Savva Morozov St., 1, Zhelyabino village, Krasnogorsk urban district, 143430, Moscow Region. E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. This the first part of Igor Borisovich Abakumov’s biographical interview, which begins with his story about family roots, childhood and youth, then describes his choice of journalism as a profession and the stages of his journalistic career — first at the newspaper “Leninskoe Znamya [Lenin’s Banner]” and then at the newspaper “Izvestia [News]” — with the focus on rural journalism. In the interview, Abakumov considers the evolution of rural Russia during perestroika under the political-ideological struggle about economic reforms and the AKKOR [Association of Russia’s Peasant Households (Farms) and Agricultural Cooperatives]; describes the unique Dutch-Russian farming project implemented on the eve of the collapse of the USSR and its difficult history. Another remarkable project discussed in the interview is the leading post-Soviet agricultural newspaper “Krestyanskie Vedomosti [Peasant Newspaper]”, whose founder and Editor-in-Chief was Abakumov. This part of the interview concludes with reflections on the ups and downs in the post-Soviet transformation of the rural mass media, not only newspapers but also television and online media, in connection with the fate of the well-known Soviet-era television program “Selsky Chas [Rural Hour]”. Throughout the interview, Abakumov focuses on the relationship between the individual, society, power institutions and the media.

Key words: kin, family, rural Russia, “Izvestia” newspaper, perestroika, AKKOR, farmers, “Krestyanskie Vedomosti”, “Selsky Chas”